

Игорь Шестков "Крысолов"

КРЫСОЛОВ

Есть люди-сороки. Я именно такой человек. Нахожу и подбираю то, что блестит. Всю свою жизнь я находил на улицах, в подъездах, в местах общего пользования и в общественном транспорте золотые колечки, сережки, цепочки, медальоны... однажды нашел литой серебряный портсигар с Лениным и Сталиным на крышке. Его у меня отобрала мама.

Первый раз я нашел скромную советскую драгоценность – позолоченный кулон с кроваво-красным искусственным рубином – когда мне было лет пять. На Ломоносовском проспекте, в Москве. Кулон валялся в снегу и чарующе сиял отраженным и преломленным светом. Ярче снежинок и сосулек. Я поднял его, вытер о пальто и отдал своей няне. Няня разохалась: И что это такое? И что мне теперь с этим делать?

Я научил няню: Ты сходи в булочную, дай это кассиру и возьми эклер.

Няня подарила кулон своей болтливой подружке, которая всегда носила розовый платок на голове. Та выпросила. Говорила, что кулон подходит к платку.

Где он теперь? Где няня? Где ее подружка? Где ее платок?

Два раза я находил золотые часы. Массивные, дорогие изделия. Оба раза отдавал их водителям – в анапском автобусе и в берлинском трамвае. Сомневаюсь, что часы нашли своих владельцев, но совесть моя чиста... часы эти, как та луковка из притчи, остаются моей единственной надеждой. На что? На милость высших сил, разумеется. Помру я, поставят меня перед Богом и Он спросит меня, вздыхая: Ты хоть что-нибудь хорошее в жизни сделал, мерзавец?

А я ему и отвечу: Грешен, грешен, Господи, обыкновенная история, но часики-то те, помнишь, не присвоил, в карман не положил, хотя и тянуло очень... А обзывать Царю небесному не пристало.

Три раза! Три раза я находил одну и ту же золотую серьгу с бриллиантом размером с горошину, принадлежащую нашей соседке с третьего этажа. Первый раз – в подъезде, у почтовых ящиков. Моя всезнающая жена сразу определила: Наверняка это серьга фрау Форстер. Только у нее хватило бы денег на такой диамант. Все остальные в нашем подъезде – бедные как церковные мыши.

Пойду к ней и спрошу.

Приходит назад и говорит: Её, её! Как же она обрадовалась! Подарок дочери, разбогатевшей на Репербане, у нее там сексшоп. Тебе обещала бутылку бренди купить.

Не купила.

Второй – у подъездной двери. А третий раз, метров за сто пятьдесят от нашего дома, на дорожке, ведущей к трамвайной остановке. В грязи. Я сразу узнал эту серьгу с обломанным крючочком... сам отнес ее хозяйке, получил «тысячу благодарностей». Но себе дал зарок – в четвертый раз не отдавать, а пойти к ювелиру на Банхофштрассе и загнать. А на вырученные средства купить себе наконец полное собрание сочинений Гессе.

Четвертого раза не было, фрау Форстер умерла. Серьги ее и остальное барахло забрала ее дочка, та, с Репербана, крупная блондинка... с недобрым взглядом и руками как у боксера.

Да, да, я находил даже жемчужные ожерелья... не очень дорогие... и втайне от жены продавал их в ломбарде. Оплатил так наши совместные поездки в Рим и на озеро Гарда. Как же в нем приятно купаться! Плынешь и на заснеженные горы смотришь. И вино там замечательное. Чудесное озеро. И Рим городок не плохой. Пьяццо, палаццо и фонтан Треви... Только в автобусах много народу. Давка. И в метро такая духота, что подохнуть можно.

Находил золотые и серебряные вещи я не из-за какого-то особенного дара и не из-за мифического «притяжения» золота к особым людям, я – никакой не особый, а всего лишь потому, что при ходьбе чаще всего смотрю в землю перед собой. Так что погружаться в неглубокие воды Пактола, спасшие Мидаса от голода, мне не нужно.

Да-с... когда хожу, думаю о своих делишках, представляю себе что-нибудь интересное, какую-нибудь сцену, ландшафт или картину, и смотрю в землю. Но как только натыкаюсь взглядом на что-то блестящее – автоматически выхожу из задумчивости и поднимаю предмет, если он того стоит. Обычно блестит какая-нибудь дрянь – пробка, льдинка, осколок стекла, кусочек фольги, слюдяной след от умершей улитки, канцелярская скрепка или колечко от ключей. Но мне на глаза попадались, помимо вышеперечисленных ценных предметов, – броши,

браслеты, нательные крестики, запонки и старинные карманные часы с боем... Часы эти, правда, не ходили и не били, и я, наигравшись с ними, выкинул их на помойку. Один раз я нашел секундомер, изготовленный на известной в ГДР часовой фирме Рула. В рабочем состоянии. Секундомер лежит у меня дома на полке уже лет пятнадцать. Я часто включаю его... слушаю его уютное тиканье и слежу за кончиком секундной стрелки. Что-то есть в ее круговом движении магическое. На язык просятся различные метафоры, но я воздержусь.

...

Способность моя находить ценные безделушки, или, если вам угодно, склонность... однажды чуть не погубила меня. Какой-то могущественный и коварный ловец человеков поставил ловушку, и я в нее попал... и спасся... сам не знаю, как.

Я заканчивал тогда третий курс университета, учился неплохо, подрабатывал в оптической лаборатории, меня хвалили научные начальники...

А на самом деле, я был полностью дезориентирован... бродил по жизни как пьяный в густом тумане, метался между возлюбленными, разбрасывался и шатался, как когда-то проклятые большевики, мучился и мучил других... не знал, как жить дальше. Потому что окончательно и бесповоротно понял, что астронома из меня не выйдет никакого. Даже плохонького. Потому что я вовсе не тот человек, за которого меня принимали и за которого я сам себя принимал. Не было у меня терпения и желания просиживать долгие ночные часы у телескопа, месяцами обрабатывать результаты... работать в коллективе, соблюдать трудовую дисциплину, делать карьеру. Да и сама работа астронома – была, как оказалось, вовсе не тем, о чем я мечтал. Это я понял, проработав два месяца в обсерватории в Крыму. Романтично конечно, но... звезды и туманности далеко, и черт бы их всех побрал...

Надо было начинать жить с начала, но как... я и понятия не имел. К тому же в советском государстве у человека в моем положении выбор был простой. Либо надо было продолжать учиться и погибать от отвращения к себе и своей профессии, либо уходить из университета. Во втором случае меня, по тогдашнему обыкновению, уже через несколько дней забрили бы в армию, защищать Совдепию, которую я ненавидел лет с пятнадцати.

Армия... Унижения, побои, муштра, уставы, мытье сортиров, кроссы, учения... Бессмысленная, мучительная потеря времени. Жизнь раба в обществе агрессивных идиотов. Младшие офицеры из провинции и старослужащие-деды наверно страшно обрадовались бы появлению в казарме интеллигентного, трусоватого толстяка-москвича с претензиями, выгнанного из университета. Над таким можно и нужно было бы всласть поиздеваться. Могли бы и убить или искалечить. Радость эту я им доставлять не хотел. Где-то впереди уже маячила эмиграция. По хорошему, надо было уезжать их страны советов... я чувствовал, будущего у меня тут нет. Но сделать из этого чувства соответствующий вывод, заказать и получить приглашение из Израиля и подать документы на отъезд из СССР – у меня не хватало духа. Потому что я был робок. Боялся... Ведь просто так взять и уехать из СССР было невозможно. Нужно было бороться. Рисковать. Уходить в отказ и страдать от уколов и ударов мстительного государства рабочих и крестьян, люто ненавидящих тех, кто хотел его покинуть. Я твердо знал, что, подай я заявление на выезд, жизнь будет испорчена не только у меня, но и у моих близких, в то время об эмиграции еще не помышлявших.

...

Гулял я как-то раз... в прекрасный майский день по Ленинскому проспекту. И предавался тягостным размышлениям. Прогуливал лекции. Шел в сторону центра от Калужской заставы. Насвистывал какую-то мелодию. Чтобы не упасть духом, представлял себе бедра и грудь знакомой студентки-кокетки, с которой уже разок поцеловался в научной библиотеке. У нее были большие, навывкате, раскосые глаза и чрезвычайно породистые руки. Папа ее вроде бы происходил из ханского рода... и имел чин генерала КГБ.

На Ленинском было шумно. Воняло выхлопными газами. Захотелось на природу. Только-только распустившиеся листочки посмотреть. Можно было в Нескучный сад заскочить. Или – в Донской. Гулять в одиночку в Нескучном саду я не хотел. Поэтому свернул направо и двинул на восток, как декабристы, по улице Стасовой. Через пять минут увидел перед собой красивую колокольню с надвратной церковью.

Прошел сквозь арку в монастырь, который тогда, в семидесятые, никаким монастырем не был. В Новом соборе работал музей... в Старом соборе, кажется,

еще служили, в крепостных стенах уже не жили люди, а некрополь, тогда еще не осчастливленный могилами Деникина и Солженицына, находился в таком состоянии, в каком его оставили ограбившие и закрывшие монастырь большевики. Многие надгробья покосились, просели, другие были расколоты, усыпальницы – осквернены. Все, что можно было украсть или испоганить – было украдено и испоганено.

Посетил знакомые мне могилы. Дружески кивнул Чаадаеву. Посидел на черном камне Бехтеева, замечательного иллюстратора «Дафниса и Хлои». Обошел вокруг Старого собора, поприветствовал мятежного патриарха Тихона и несчастного Амвросия, погибшего во время чумного бунта. Подошел к любимому каменному распятию. Полюбовался на скорбящих ангелов. Потрогал дерево жизни. Понюхал клейкие листочки. Сорвал одуванчик, поцеловал его и наслаждался его божественной желтизной.

А потом, сам не знаю зачем, вошел в один из склепов. Не помню, кто там был похоронен, наверное, какой-нибудь военный начальник или видный чиновник конца девятнадцатого века. Меня привлекла мasonicкая символика на еще не до конца разгромленном мраморном фасаде – всевидящее око в треугольнике, лучи, голгофа, мертвая голова, циркуль, отвес, молоток... Несколько изящных колонн поддерживали обветшалую кровлю в форме вытянутой пирамиды. Железная дверь со следами взлома была не заперта. Внутри склепа пахло фекалиями. Когда я в начале двухтысячных годов снова побывал в Донском, этого склепа там уже не было. И не только его. Много пропало, как будто ветром сдуло... Возможно, когда воры украли последние мраморные детали постройки, усыпальница развалилась... или ее позже срыли за ненужность. «Зачистили», как теперь говорят в России. Какое мерзкое слово! Как и другие их слова.

...

Я вошел в склеп – без какой-либо задней мысли в голове. Просто так. Внутренние стены и потолок небольшого, пустого – ни гробов, ни урн, только мусор нового времени, – квадратного в плане помещения были выкрашены небесно-голубой краской. Мне показалось, что эта странная, явно не советская голубизна должна была скрывать что-то – фрески или надписи. Золотые буквы, священные изображения, пентаграммы...

Потрогал неровную поверхность стены рукой... отколупал кусочек краски... и в этот момент заметил, что в углу склепа что-то призывно блеснуло. Наклонился, посмотрел... ничего нет. Оптический обман?

Пол склепа был покрыт чем-то, похожим на грубый темный линолеум.

Поверхность его напоминала спрессованную молотую пробку, скрепленную смолой или каучуком. В углу, там, где блеснуло, напольное покрытие было изодрано и отошло от кирпичного пола сантиметров на десять. Кажется, там кто-то уже не раз рылся. Может быть, клад искали?

Сунул руку под линолеум. Пошарил. Ничего. Только пепел, пыль и гадкий черный жир...

Нащупал что-то вроде шарика размером с крупную виноградину.

Вытащил. Ба! Да это перстень! Печатка. Золотая?

Вышел из склепа на улицу, нашел лужу на дорожке, вымыл в ней перстень.

Оттер грязь носовым платком. Нет, не золотой. Серебряный? Нет. И не бронзовый. Странный металл... серебристый, легкий. Титан?

Что же изображено на печатке? Грязь так глубоко въелась...

Отмыл. Вот незадача. На печатке – крохотный треугольник с всевидящим оком и цифры под ним. 2020.

Это что, номер ложи? Шифр? Закодированное по номерам букв в латинском алфавите имя?

Двадцать – число неприятное. Слишком правильное и круглое.

Не удержался, надел перстень на безымянный палец. И...

...

И ничего не произошло.

Майский день был все так же зноен и весел. Пчелы жужжали. Бабочки порхали.

Деревья шелестели новыми листочками. Мощные овальные плечи и купола

Нового собора также, как и прежде, таранили голубое пространство. Мертвый

Чаадаев не вылез из своей, покрытой чугуновой плитой, могилы. Бородатый

Жуковский все так же хмурился и мрачно смотрел куда-то со своего зиккурата.

Я все еще был студентом МГУ. Время и пространство...

Ничего не изменилось. Но я испытал что-то вроде шока. Почему?

Потому что вдруг осознал, что все эти идиллические картины – не что иное, как

мое воспоминание, фикция, мираж, далекое прошлое. А на самом деле...

А на самом деле я сижу на земле, грязный, оборванный, старый и беспомощный.

И вдобавок – болезненно истощенный. Я голоден и страшно хочу пить.

И вокруг меня нет ничего, кроме земли.

Ни могил, ни церквей. Ни деревца, ни кустика...

Только земля... как будто взволнованная... хаотично бугрящаяся... застывшее море из пепла и грязи.

Посмотрел на свои руки. Грязные, худые, покрытые пигментными пятнами, уродливые. Ногти ужасные. Ноги – обуты в грубые черные ботинки. Брюки с заплатами. Ватник. Такой потертый и грязный, как будто в нем несколько эков уже оттянули пожизненный срок на лесоповале. На голове – ушанка. Засаленная, вонючая... За спиной у меня пустой рюкзак из прорезиненной парусины. Пахнет противно. Зачем он мне?

Седая, давно не мытая борода. Во рту – потрогал языком – осталось только пять или шесть зубов.

Но серебристый перстень-печатка – все еще на безымянном пальце.

...

С трудом встал и начал карабкаться на невысокий холмик. Тяжело... одышка.

На вершине его я заметил что-то похожее на лежащий на боку церковный купол.

Это был большой обломок луковки, которая некогда украшала Новый собор.

Поверхность ее была в звездочках. А холмик, стало быть, был тем, что осталось от собора.

Что же тут произошло? Атомная война? Тотальное уничтожение каким-нибудь неизвестным мне оружием?

Если этот холмик – остаток Нового собора, то где же Старый, где могучие крепостные стены, где колокольня, надвратная церковь Тихвинской богородицы...

Где город, где Москва?

Ничего не видно. Только земля со всех сторон. До горизонта. Холмы, холмы... овраги.

Что за ерунда?

Спустился и медленно побрел... куда глаза глядят.

Кое где валялись похожие на спутанную бороду великана кучи мусора...
обломки мебели... смятые и поржавевшие кузова автомобилей... заборы...
оконные рамы... битая посуда... портреты Ленина... пропагандистские лозунги.
Коммунизм победит! Все это было покрыто толстым слоем грязи.

Видел и трупы. Обугленные, маленькие... как будто детские.

Кто их сжѐг?

Несколько раз кричал. Звал на помощь. Ответа не было. Только ветер завывал,
завихряясь на скалах и косогорах. Иногда мне казалось, что я слышу далекий
волчий вой. И какое-то зловещее клацканье.

Пахло пожаром и гнильем.

Неизвестность пугала больше, чем ужасная действительность.

Начало темнеть.

Сел на корточки, начал вертеть перстень вокруг пальца.

И тут меня осенило. 2020 – это не номер, не код, и никакая не загадка...

Это дата. Год. Кто-то соорудил временную ловушку. Я попал в нее... надел этот
волшебный перстень и меня занесло в будущее. В постапокалиптическую эпоху.
Занесло? Дичь.

Нет, нет. Наоборот. Я прожил долгую жизнь. Хорошую или плохую, не помню.

А потом случилось то, что случилось. Русская цивилизация погибла. Я случайно
уцелел в бойне. От прошлой жизни у меня остался только этот перстень,
который я когда-то нашел в масонской усыпальнице. И теперь я брожу там, где
когда-то был монастырь, и вспоминаю прошлое. Клейкие листочки.

Правдоподобно, но критики не выдерживает. Если у меня пропала память, то
почему я хорошо помню то, что было до моего посещения склепа с небесно-
голубыми стенами? Помню детство в Доме преподавателей, помню Вторую
школу, помню профессоров марксизма-ленинизма, все помню, даже маршруты
автобусов 144-о и 642-о. Помню задачки, которые на вступительном экзамене
решал. Помню, как звали Сведенборга. А что потом было, после того, как
перстень надел, – не помню. Все забыл. 45 лет жизни. Так не бывает. А то, что
ты видишь вокруг себя, это бывает?

Задремал. На корточках.

...

Проснулся – все в том же кошмаре, как в карцере.

Ноги затекли, кости ломило. Еле встал, встряхнулся и опять побрел. Надо было найти воду. Или сдохнуть.

Рассудил так: Если я действительно в бывшей Москве, недалеко от Донского, то на северо-западе от меня должна протекать Москва-река. Примерно в километре от монастыря.

С трудом сориентировался по Солнцу, еле видимому в густом коричневом мареве. Пересек долину между двух параллельных рядов холмов (когда-то она была Ленинским проспектом) и быстро достиг того, что должно было быть Москва-рекой.

Русло реки простиралось передо мной, но воды в нем не было. Только жиденький ручеек вился по его дну. Ура!

Подошел к ручейку. Встал на колени и опустил голову в воду. Напился.

На берегу заметил красноватую плесень и незнакомые мне оранжевые грибы на тоненьких ножках. На их шляпках, поросших темными волосками, было что-то, напоминающее глаза стрекоз. Размером с двухевровую монетку.

...

В кармане брюк я обнаружил кусок шоколада. Откуда в этом убитом мире мог взяться шоколад? Понятия не имею. Съел. Шоколад был не сладкий. И вообще это был не шоколад, а неизвестная мне масса, чуть-чуть пахнувшая керосином. Ничего, съедобно.

Пошел по сухому руслу реки – в сторону МГУ.

Миновал величественные руины Метромоста.

Поднялся по пологому склону бывших Воробьевых гор там, где прежде был эскалатор, и сразу увидел огромный холм пирамидальной формы. Все, что осталось от МГУ.

Подошел к нему поближе.

На вершине его поблескивала сильно деформированная пятиконечная звезда на обрубке шпиля. Стекланные грани отсутствовали, только несколько осколков торчали на изогнутых металлических ребрах. От колосьев не осталось ничего. Недалеко от нее торчала голова «сталевара с молотом и шестеренкой», бессмысленной и неуместной скульптуры, прежде гордо восседавшей на

стодвадцатиметровой высоте. Голова эта была дырявая и сплюснутая, казалось, она гаденько смеется. Рядом с ней валялся четырехметровый кусок металлического герба СССР.

...

Тут я услышал странный писк. Писк доносился из-под земли, из недр пирамиды. Поверхность ее была покрыта многочисленными отверстиями. Норы?

Из одного отверстия выползла крыса. Похожая на обыкновенную, берлинскую, но с дефектами. Ног у нее было шесть. А на голове алела отвратительная опухоль. К тому же животное было слепое.

Не знаю, почему, но я вдруг ощутил в себе неодолимое желание поймать ее.

Сперва застыл как каменный. Затаил дыхание. А затем бросился на нее как леопард, поймал ее руками и бросил в свой рюкзак.

Вот, оказывается, для чего я его ношу... я – крысолов.

Весь день ловил крыс на университетском холме... Подстерегал, прыгал, хватал. Несмотря на усталость и одышку.

...

Память частично вернулась ко мне.

Я вспомнил, где находится вход в подземелье, в котором еще теплилась человеческая жизнь. Там я мог поменять мою добычу на тот самый «шоколад», который выжившие умельцы изготавливали из мазута.

Место это было там, где раньше находился вход в метро «Университет».

Пришел туда уже в сумерки. Рюкзак мой был полон и неприятно шевелился.

Одна из крыс умудрилась прокусить твердую как фанера парусину, я видел ее длинные желтые нижние зубы, застрявшие между волокон. Изогнутые, как бивни у слона.

...

У свинцовой двери сидел на стуле человек без лица. На коленях у него лежал подрагивающий мешок.

Он сказал: Почему ты опоздал, опять бродил по монастырю?

– Не твое дело.

– Сколько на этот раз?

– Ты же знаешь мою норму. Как всегда – 35.

Он раскрыл свой мешок, и я опорожнил в него содержимое моего рюкзака. Из мешка послышался бешеный писк и сопение...

Крысу, прокусившую мой рюкзак, пришлось отдирать рукой. Прежде чем бросить ее в мешок, я посмотрел на ее открытую пасть. Она была ужасна. Похожа на изуродованного человека. Алая, вся покрытая маленькими черными паразитами.

Человек без лица вынул из кармана большую плитку мазутного шоколада, разломал ее. Отсчитал и подал мне 5 прямоугольных кусков. После этого он открыл дверь своим ключом, буркнул: До завтра, – и ушел. Дверь за собой захлопнул.

Прежде чем он закрыл дверь, я расслышал доносящийся из подzemелья скрип вентиляционной машины. Вспомнил, что в те времена, когда меня еще пускали туда, за дверь, видел однажды, как она работает. Десять потных грязных голых мужчин тяжело бежали как белки в огромном колесе. Два верзила подгоняли их бичами. Один из бегущих вдруг остановился, схватился за грудь и упал.

Крутящееся колесо провернуло его один раз, а затем кинуло его труп прямо под ноги верзилам. Один из них тут же унес его куда-то и вернулся с новым бегуном. Остальные бегущие, казалось, не заметили смерти товарища. Продолжали бежать.

Подошел к отдушине. Она была тут... недалеко от двери. Круглая решетка, сваренная из стальных прутьев разного диаметра, закрывала вход в подземелье, из которого валил пахнувший невымытой кожей и испражнениями пар.

На решетке лежали несколько трупиков неизвестных мне птиц, облепленных белыми червями. По моему телу прокатилась волна тошноты и слабости. Сел на землю и съел еще один кусок этого дьявольского шоколада.

Когда полегчало, встал, плюнул в отдушину, и побрел к ручью.

...

Только опустив голову в воду, я понял, как хочу пить. Открыл под водой рот и глотал, глотал...

Когда поднимал голову, заметил краем глаза огромную тень слева.

И в тот же момент моя оторванная от тела каким-то невообразимым чудовищем голова начала подниматься на воздух. А обезглавленное тело качнулось

несколько раз и упало в ручей. Я даже успел разглядеть отвратительную морду монстра, похожего на гибрида Путина и гиены, и струйки крови, хлынувшей из оборванных артерий, но не успел испугаться.

*****

Моя прежняя жизнь возвратилась. Я очнулся, стоя у могилы художника Перова, автора «Проводов покойника», картины, лучше всей остальной суровой русской живописи отображающей судьбу человека в России. Перстень был почему-то не у меня на пальце, а в руке. Я сжимал его изо всех сил, как будто кто-то собирался разжать мне кулак и забрать его, а я этому противился.

Солнце все так же светило, бабочки так же порхали, листочки шелестели.

Быстро отыскал склеп и засунул перстень под грязный ободранный линолеум, туда, где он лежал до того, как я его нашел.

Поехал на последнюю лекцию в университет.

Теперь я знал, что со мной и с моей родиной будет в 2020 году. Предаваться тягостным размышлениям больше не было необходимости. Я решил закончить курс в университете, устроиться на работу и уехать из страны, как только представится возможность. Возможность представилась только в 1989 году.

Лучше поздно, чем никогда.

...

Странное мое приключение начало потихоньку забываться. После злоключений в первые годы эмиграции я и вовсе забыл о том, что какое-то время ловил крыс на развалинах города, в котором родился, после атомной бомбардировки. И о том, что мне, возможно, придется пережить это еще раз и окончить жить в пасти чудовища.

Вспомнил я о загадочном кольце и о том, куда оно меня перенесло, несколько дней назад, после того как справил с семьей в уютном берлинском ресторане новогодний праздник. И решил записать все, что еще помню.

Да-да, вот и наступил этот самый 2020 год. И я – довольный жизнью немецкий пенсионер, а не московский крысолов, рыщущий среди нор на развалинах Московского Университета. Собираю марки, гуляю по лучшим европейским

музеям, купаюсь в Средиземном море.

Атомный апокалипсис к счастью так и не произошел.

Хотя, после того, как американцы сняли с Европы «ядерный зонтик», Германия и начала осуществлять ускоренную программу создания собственного атомного оружия.

А пожизненный президент России объявил о проведении через две недели внеочередных маневров стратегических ракетных сил сдерживания.

Совсем забыл. Мои состоятельные дети подарили мне туристическую поездку в Россию. Золотое кольцо, Псков, Новгород, Москва. Вылетаю завтра.